

Через несколько дней после волонтерской уборки мусора, в кабинете кружка изучения культуры. На месте присутствовали двое. Тайти Яэгаси в [теле Химэко Инабы] и Ёсифуми Аоки в теле [Юи Кириямы].

Эти двое были заняты: они смотрели свежеснятое видео на мобильнике и ухмылялись до ушей. ...Да, до ушей.

На экране мобильника...

«Я, знаешь, я все это время не могла быть послушной, я всегда тебя жестко отшивала, но... на самом деле, Аоки, я тебя... люблю. Прости, что так внезапно это тебе говорю...»

С влажным блеском в глазах эти слова произнесла [Кирияма]. И...

«Я, я... т-тебя... э, эмм... лю, люблю... Поэтому, если ты не против... давай встречаться... пожалуйста».

Стыдливо опустив голову, эти слова произнесла [Инаба].

Женской части КрИКа не было (по правде сказать, из кабинета ушли по делам Иори Нагасэ, Тайти и Аоки, однако сейчас в [теле Тайти] оказалась Кирияма, а в [теле Аоки] – Инаба). Пользуясь этим, мужская часть КрИКа в [телах девушек] воплощала в жизнь дурацкую идею «Давай, пока мы в [их телах], скажем слова, которые мы хотим от них услышать» (автор идеи – естественно, Аоки).

- Не, ну клево! Чтобы от [Инабы-гтян], которая вся такая холодная и вообще почти как парень, к ней фиг подступишься, – и вдруг такое сладкое и невинное, прям девочко-девочковое признание... просто моэ!

Тайти смущался, конечно, однако его актерскую игру Аоки оценил по достоинству.

- А у тебя, Аоки... вышло прямо как ты мечтаешь.

- Агааа. Аа, когда-нибудь я ее саму заставлю сказать эти слова, – пробурчал Аоки [Кирияма]. Поскольку он по-прежнему был в [теле Кириямы], Тайти это показалось каким-то странно-нелепым.

- Аоки, твоя преданность Кирияме просто потрясает.

Да, его совершенно не выбивало из колеи жестокое обращение, которое он постоянно получал, – это было достойно уважения.

- Ну, меня к ней уже конкретно тянет. И причин особых нет, хотя нет, конечно, причины есть. Она такая милая, веселая, наивная, похожая на ребенка, а потом тут же шикарно безбашенная, и еще она цундере.

Последнее, как показалось Тайти, было скорее желанием Аоки.

- Но главное, конечно - это было наитие. Знаешь, прям как будто молнией ударило.

Аоки [Кирияма] рассказывал о своей любви к Кирияме, энергично кивая.

- Ну, пока что хватит. Давай удалим видео.

На эти слова Тайти [Инабы] Аоки [Кирияма] отреагировал в стиле какого-нибудь комика из американской кинокомедии: наигранно пожал плечами и заявил:

- Эй, эй, все еще только начинается, а?

И по его лицу расплылась ухмылка.

- Не, но все-таки...

- Ну лааадно.

Когда речь шла о первой съемке, Аоки [Кирияма] проявил немалое упорство и талант убеждения, однако сейчас он почему-то сразу сдался. И, как будто ожидая чего-то - нет, как будто стремясь поддразнить Тайти, - он принялся что-то напевать себе под нос.

- ...Хм, обычно что бы я ни сказал тебе сделать, ты не делаешь...

Уже произнося эти слова, Тайти внезапно подумал, что он потерял что-то в человечности.

Они снова начали снимать; их охватило то ли напряжение, то ли душевный подъем. До возвращения остальных еще должно было оставаться время, так что они были уверены, что смогут еще немного этим позаниматься.

Они были слишком беспечны.

Раздался звук открываемой двери.

Раньше ожидаемого вернулись [Тайти] и [Аоки] (если все оставалось так же, как при их

последней связи по телефону, в [теле Тайти] сейчас обитала Кирияма, а в [теле Аоки] - Инаба).

Увидев их, Тайти [Инаба] и Аоки [Кирияма] мгновенно застыли.

Едва ли их разговор только что был подслушан; если бы они сохранили спокойствие и принялись нормально беседовать с новоприбывшими, видимо, все пошло бы гладко. Однако Тайти с Аоки абсолютно потеряли бдительность и не следили за тем, чтобы их не застучали (настолько возбудились от своего занятия).

На несколько секунд повисло неизбежное в такой ситуации молчание.

Две девушки из кружка изучения культуры были не настолько наивными, чтобы не заметить эту паузу.

- Юи! Хватай мобильник! - тут же приказала Инаба [Аоки].

- Есть! - и Кирияма [Тайти], не делая лишних движений, проворно - непонятно даже, повлияла ли на ее ловкость смена тела, - подскочила к Аоки [Кирияме].

- Ии! - только и успел жалко взвизгнуть Аоки [Кирияма], когда Кирияма [Тайти] в мгновение ока выхватила у него телефон. В следующую секунду она передала трофей Инабе.

- Итак, что же вы такое делали с моим мобильником... а? Видео?..

Посреди повисшего в комнате молчания из мобильного раздался звук начавшего воспроизводиться видео.

Сквозь пространство, только что бывшее во власти тишины, одна за другой полетели немыслимые фразы.

Должно быть, это была слуховая галлюцинация - такое обычно не слышится, - но Тайти почудился звук, будто у застывшей с надменным видом Инабы [Аоки] лопнул кровеносный сосудик.

- Хм, похоже, вы тут интересную игру себе нашли, да?

Еще произнося эту фразу, Инаба [Аоки] скинула блейзер, развязала галстук и положила руку на пуговицу рубашки. На глазах у ошарашенных остальных она сняла и отшвырнула рубашку, затем стянула футболку, таким образом полностью обнажившись выше пояса. Следом она потянула за ремень брюк.

- Эй, т-ты что делаешь?! - наконец подала голос Кирияма [Тайти]. Лицо ее было пунцовым.

- Ничего особенного, просто захотелось пробежаться голышом по школе.

- Инаба, это, это шутка такая? - пролепетал Тайти [Инаба], не в силах поверить своим глазам, перед которыми разворачивалась жестокая сцена мести.

- Тааак, теперь вроде бы вот это... хе-хе-хе.

- Н-не надо, пожалуйста, Инаба-ттян! Я же после такого помру! В социальном смысле.

- В-вот именно, Инаба. За такое убивать - это уже перебор, по-моему?..

Инаба же не настолько безжалостная, ведь верно...

- Пф, ну так помри.

...Неверно, именно настолько.

- Пожалуйста, Инаба-сан! Если я помру в социальном смысле, то и в материальном смысле не смогу нормально жить! - взмолился Аоки, упав перед Инабой на колени. Но, поскольку выглядело все так, будто [Кирияма] стоит на коленях перед [Аоки], зрелище было потрясающее.

- Молчать! За такие позорные игры с [моим телом] награда полагается соответствующая!

В конце концов после долгих уговоров троица (даже Кирияма присоединилась к Тайти и Аоки) кое-как сумела остановить разъяренную Инабу.

К тому времени, когда все вернулись в родные [тела], буйство в комнате кружка прекратилось (только Инаба, даже вернувшись в [свое тело], успокоиться все никак не могла).

- Вы двое... После еще одного такого раза вы жить не будете, ясно?

- Ясно. Прими наши глубочайшие извинения, Инаба-сан, - хором ответили Тайти и Аоки, опустив головы.

- К вашему сведению, я тоже разозлилась, понятно? Еще раз такое увижу - отлуплю, поняли? - с улыбкой во все лицо (абсолютно фальшивой) сказала и Кирияма.

- Т-так точно... мы поняли.

Если Кирияма разойдется всерьез, то вполне можно и в больницу угодить. При этой мысли Тайти задрожал от ужаса.

- Это странно, но... мне этого даже немножко хочется!.. - в своем обычном стиле сморозил глупость Аоки. - А, вот еще. Может, фигня, но меня кое-что малость беспокоит...

Эти слова он произнес с каким-то стеснением, но после продолжил уже нормальным тоном:

- Юи, слушай, а мы что, страшные? Почему-то, когда я в [теле Юи] и когда мы, ну то есть парни, подходим вплотную, твое [тело] само начинает дрожать.

- Хаа? - вырвалось у Тайти, который не смог ухватить смысл вопроса Аоки, и он недоуменно склонил голову набок.

Но.

Слова Аоки, видимо, попали в яблочко.

Кирияма разом побледнела и застыла как вкопанная.

Глаза уставились в какую-то точку и не двигались.

Даже не моргали.

Она была как марионетка с перерезанными нитями.

И тут же, словно внутри нее включили питание, Кирияма резко вскинулась. С прилепленной на лицо улыбкой, не в силах управлять интонациями, точно ее голос сломался, она выдавила:

- ...А... э? Д-да вовсе нет, правда ведь?.. Парней вроде вас бояться совершенно нечего... да. Потому что я... потому что я сильная. Уж точно сильнее вас... Поэтому... поэтому - парней я совершенно не боюсь.

Она говорила так, что всякий бы понял: действительность от ее слов отличается на 180 градусов.

Кирияма обхватила себя за плечо одной рукой - возможно, в попытке остановить дрожь, как от зимнего холода. В ее маленькой ладошке оказались вместе зажаты прядь длинных каштановых волос и белая ткань блузки. Еще пряди повисли на крепко сжатой руке.

Голову она опустила, поэтому выражения лица за волосами было не видно. И ее фигурка казалась еще более хрупкой, чем обычно.

Глядя на эту одиноко стоящую несчастную девушку, Тайти подумал, что хочет с этим что-то сделать, что должен с этим что-то сделать.

Однако он до сих пор не мог понять эту сторону Кириямы.

Она ее никогда прежде не показывала. Нет, может быть, дело не в том, что она не показывала? Может, дело в том, что он не пытался увидеть?

- Прости меня! - Аоки выпрямился и тут же низко поклонился. - Мы знакомы уже офигенно долго, и я все время тебе говорил, что люблю тебя, но... если бы... если бы не эта странная штука, которая с нами происходит, я бы и дальше в упор не замечал... Я, наверно, очень много боли тебе причинил... Я... я правда жуткий дебил.

Его слова и мысли дышали искренностью.

Кирияма подняла голову.

Ее глаза, всегда сиявшие решительностью и волей, сейчас были полны слез. Изящные брови - страдальчески изогнуты. Прядь растрепавшихся волос пристала к розовым, как бутон, губам.

Глаза Кириямы поочередно посмотрели на Инабу, Аоки, Тайти.

Изучив таким образом выражения их лиц, Кирияма - побежала прочь.

Рванулась так, что только каштановые волосы и юбка затрепетали. На мощных пружинах ног она вмиг достигла двери и выскочила из комнаты. Остановить ее никто просто-напросто не успел.

- Юи! - запоздало выкрикнул Аоки и рванулся ее догонять.

Однако путь ему преградила правая рука Инабы.

- Инаба-ттян?!

- Хорошо, что ты понял, но вот с выбором момента... Впрочем, для нынешних чувств момент тоже тот еще. ...В смысле, подобные чувства въедаются в [тело], не так ли? Даже несмотря на то, что я знала, все равно, когда становилась [Юи], я ничего такого не чувствовала. Может, проблема в конституции или в характере?.. Аоки головой не думает, зато чувствителен к

разным ощущениям, – скребя второй рукой в затылке, пробормотала Инаба, точно говоря сама с собой.

– Инаба, так ты про это знаешь?.. Ну, из-за чего Кирияма... – спросил Тайти; хоть произошедшее и сбило его с толку, все же он изо всех сил пытался понять ситуацию.

– Странно, что вы до сих пор не замечали... так говорить вам, пожалуй, было бы немного чересчур сурово – она это хорошо скрывала; если бы я с ней постоянно не общалась, тоже вряд ли бы заметила. ...Ну, я таки заметила. По правде сказать, у нее серьезная проблема, по-моему. Впрочем, подробно рассказывать я не собираюсь. Если хотите узнать, спрашивайте ее саму.

– Ну так, может, ты меняпустишь? – и Аоки, отведя руку Инабы, попытался силой проложить себе дорогу.

– Стой. Если пойдешь сейчас, ничего хорошего из этого не выйдет. Юи из тех, кто очень подвержен эмоциям. Вместо того чтобы ты в своей неуклюжей манере к ней полез, лучше сначала я ее успокою.

Несколько секунд эти двое сверлили друг друга сердитыми взглядами, потом Аоки сдался.

– ...Ладно... Надеюсь на тебя, Инаба-ттян.

– Все, что я могу, – это отправиться за ней. А уж дальше вы сами должны что-то придумать. ...Тайти, ты ведь тоже участвуешь?

– К-конечно, – ежась под сердитым взглядом Инабы, кивнул Тайти.

Какое-то время Инаба сверлила Тайти подозрительным взглядом, потом, достав мобильник, вышла из комнаты.

Остановившись спиной к Тайти и Аоки, она сказала:

– То, что кто-то непременно окажется ранен, было очевидно. Только вот «ранен» или что-нибудь еще, зависит от вас.

Оставив позади себя эти слова, Инаба закрыла дверь.

В комнате остались только Тайти и Аоки.

– Блин... меня уже тошнит от собственного идиотизма... Моя тупость меня бесит... Как же я себя ненавижу... Юи, оказывается, вот так чувствует... А я все это время не замечал... и только

когда сам стал [Юи], тогда заметил... Это нечестно, – бурчал Аоки, положив голову на стол.

– Есть вещи, с которыми ничего не поделаешь, и ведь она так хорошо все скрывала – даже Инаба ее похвалила. В смысле, я ведь тоже ничего не замечал, даже когда сам становился [Кириямой]...

– Не, ну это же еще зависит от того, когда случился обмен и в какой ситуации, ага? Я просто почему-то заметил. А... даже если и заметил...

Из-за того, что Тайти и Аоки узнали то, что скрывала Кирияма, их мир изменился. Может, лучше было бы, если бы они так и оставались в неведении? Такая мысль мелькнула у Тайти в голове, но он ее тут же прогнал.

Если они и дальше будут с Кириямой друзьями, то когда-нибудь, в какой-нибудь форме, они непременно столкнутся с этим. Вопрос только в том, как именно это проявится. Во всяком случае, то, что произошло сейчас, никак нельзя было назвать желаемым проявлением.

– Но если подумать, есть одна штука, которая малец подозрительная. Вот, скажем, Тайти, ты хоть раз к Юи притрагивался, или она к тебе? Обмены, конечно, не в счет.

– ...Вроде... нет?.. Но в старшей школе для парня и девушки это не сказать чтоб странно...

– Мм, неа. Скажем, наша Инаба-ттян нас то и дело лупит, Иори-ттян тоже обожает лапаться, у нас этого дела много, скажешь нет?

И верно: члены КриКа были довольно-таки близки, стандартной дистанции «парень – девушка» между ними почти не было. Ничего особо странного в этом искать не стоило – просто «прикасаемся самим и давать прикасаться другим».

– И вот в этом общем настрое, типа «это дело можно», наша веселая Юи вся такая «это дело нельзя» – странно же, скажи? И потом, Юи всегда открытая, плюс умеет драться – она ведь запросто могла бы лупить нас, как Инаба-ттян, ничего странного бы не было.

– Просто Юи не из тех, кто первой ввязывается в такие дела... хотя нет. В меня недавно печеньками кидалась.

– А в меня вообще «высокомощной трудноотражаемой подушкой».

Да, это было в гостях у Инабы.

– Не хочу сказать, что это дело совсем обычное, но все равно, чем больше думаю, тем как-то неуютнее становится.

Тут Тайти внезапно вспомнил еще кое-что. Тот случай по пути домой, когда Нагасэ, ставшая [Аоки], попыталась прикоснуться к Кирияме.

- Аоки... а ты проникательный.

- Только насчет любимой девушки.

При этих словах фигура Аоки показалась Тайти ослепительно сияющей.

- Но при этом все равно ты такой же, как всегда, - произвольно сказал Тайти.

- Это мой стиль жизни. «Что сейчас радует, то и окей», типа того.

- Завидую твоему стилю жизни.

Аоки улыбался совершенно по-детски, и Тайти невольно натянуто улыбнулся в ответ.

- Хе-хее, понимаю, что ты хочешь сказать. Когда начались обмены, которые нам устроил этот Халикакаб, ты ведь наверняка подумал, типа, «раз мы не понимаем, какой в этом смысл, надо относиться к этому серьезно!», да?

- Типичные слова Инабы, - кое-как подковырнул Тайти.

- Только это невозможно. Потому что мой стиль жизни от всей этой хрени не колеблется.

- Но как связан твой непоколебимый стиль и «что сейчас радует, то и окей»?

- По-моему, это всё вместе. Думаю, кто к любой цели идет в полную силу, тот уже побеждает, - без намека на волнение в голосе величественно ответил Аоки на слова Тайти, в которые тот подбавил нотку иронии. - Если я, когда буду при смерти, смогу сказать «да, было весело», значит, буду вполне доволен. Так что и об этих обменах хорошо было бы, если б я смог когда-нибудь рассказать что-нибудь забавное. Ну, хотя это, наверно, дурацкое желание. И я только что ранил Юи...

Быть может, из всех пяти членов КриКа именно Аоки ближе всех подошел к пониманию истины человеческой жизни? Конечно, Тайти, который сам эту истину не знал, судить об этом мог едва ли.

Вдруг Аоки сделал удивленное лицо и воскликнул:

- Уаа! Я что, серьезные вещи говорю? Я же не такой.

- Хм, Аоки, а может, ты на самом деле большой человек? Я немножко в шоке...

- Ага... ээ, чего? Чего это ты в шоке?

- Ну, просто я все время думал, что ты дурак.

- Тайти, ты тоже издеваешься! Тебя что, так задело, что тебя опередил тот, на кого ты всегда смотрел свысока?! Блин, сначала это была только Инаба-ттян, а потом я и глазом не успел моргнуть, как...

- Ну, в последнее время Инаба и меня много ругает...

- Да это всегда было, не?

Что вообще случилось, что он так гладко говорит такие слова?

- Нет... сейчас сильнее, чем всегда. Ощущение, будто она ко мне придирается по любому поводу...

- Хее, унылого Тайти нечасто видишь. Хотя вроде ты не из таких, кого подобные штуки волнуют. Ну, Инаба-ттян сурова, да... Если хочешь, могу выслушать, что там у вас было.

Немного поколебавшись, Тайти решил воспользоваться этой возможностью и рассказал Аоки про тот разговор с Инабой, когда она назвала его «самопожертвовательным олухом» (но тему Нагасэ трогать не стал).

- Хооо, понятненько. Ага-ага, вот оно что. Хо-хо... - и Аоки, дослушав рассказ до конца, закивал с видом всезнайки. - Не, я слова Инабы-ттян тоже вполне понимаю. «Самопожертвовательный олух» - это она хорошо завернула. Браво, Инаба-ттян.

- Даже ты так считаешь, да?..

Тайти приуныл всерьез.

- Слушай сюда, Тайти. Мой стиль жизни я считаю нормальным, но другие обычно такие «Что? Разве нет чего-то поважнее?». Но знаешь, что бы там люди не говорили, а думаю я так же, как и всегда. Скажем, я только что сказал выпендречно «мой стиль жизни от всей этой хрени не колеблется», но правильнее было бы сказать скорее не «не колеблется», а «не может колебаться». Такой я есть. Вообще, человек внешне может меняться, но «суть» не меняется, даже если он сам этого хочет. Ты можешь видеть, как человек меняется, но это именно видимость, не больше. Вот, ну а моя суть в том, что я «и не изображаю, что меняюсь», только и всего.

Аоки говорил легко и небрежно, однако чувствовался в его речи какой-то прочный стержень.

Факт: Аоки, несмотря на странное положение, в котором они все очутились, не выказывал ни малейших признаков того, что он меняется. Но именно поэтому впечатление от него изменилось сильнее, чем от кого бы то ни было еще.

- В общем, я, конечно, сейчас треплюсь не так, как обычно, но сказать в итоге хочу вот что: «Как определить, какой стиль жизни лучше всего с твоей точки зрения? - вот в чем проблема». На первый взгляд, самопожертвователю олуха лучше всего исправить, но ведь есть вещи, на которые способен только самопожертвователю олух. Ну и, даже если ты хочешь исправиться, все равно ведь есть много того, что исправить не можешь, так?

Похоже, Аоки имел в виду, что в чем-то надо уступить, но в целом его слова явно не вписывались в то, что понимается под «уступить».

Приняв и осмыслив, идти вперед - так, что ли?

- Ты... правда классный.

Тайти почувствовал, что Аоки уже нашел то, на поиски чего другим понадобится много времени.

- Когда ты такие вещи говоришь с таким серьезным видом, я прям весь стесняюсь. По-моему, скорее это я должен сказать, что ты классный, а? По части потенциала мне до тебя далеко.

- Что еще за потенциал...

- Не, ты такой балбес, что сам не понимаешь, насколько ты крут. Потому-то ты и получил от Инабы-гтян звание «самопожертвователю олуха». Как бы сказать... мне кажется, что тебе удастся помочь Юи. Если ты это поймешь, может, придумаешь, как подступиться... Я вот абсолютно без понятия...

Секрет, который Кирияма все время прятала, теперь Тайти и Аоки знали. Однако - что с ними теперь будет? И что им теперь делать?

- Мда. И как же нам спасти Кирияму?

- Я же говорю... ты крут. Большой масштаб. Хочешь спасти радикально, да? А я-то изо всех сил стараюсь разобраться с нашими с ней отношениями...

- Да нет, я вовсе ни о чем таком масштабном не думал...

- Ого, Тайти серьезно настроен, уже страшно... Потому что ведь если так пойдет... Юи же в тебя влюбится? Блин, у меня реально паршивое предчувствие!..

Аоки терзался от им же сгенерированных безумных мыслей.

□■□■□

Как всегда, это произошло внезапно.

После ужина, когда Тайти вместе с младшей сестренкой сидел в гостиной и рассеянно пялился в экран телевизора... по идее.

Вдруг он обнаружил, что лежит на кровати на животе. Повернув голову, он увидел незнакомую комнату.

Перед глазами все расплывалось, точно под водой. Почувствовав, что с кончика носа что-то свисает, Тайти поспешно это что-то втянул. Одновременно с этим он почувствовал, что его щеки влажные. Длинным рукавом розовой футболки он прошелся по щекам, собрав слезы, потом промокнул возле глаз.

В груди ощущалась какая-то непонятная давящая боль.

Да, явно произошел обмен.

С некоторыми затруднениями из-за того, что изменились размеры тела, Тайти встал с кровати и заглянул в закрепленное на стеллаже поблизости зеркало с красной рамкой в форме сердечка.

Глаза и нос покрасневшие. Каштановые волосы не такие блестящие и красивые, как обычно. Лицо - изможденное, более детское на вид, чем всегда, - мгновенно пробудило в Тайти инстинктивное стремление защитить его обладательницу.

В зеркале была [Юи Кирияма].

«Положение дел сейчас очень серьезное. Даже критическое. Отчаянное».

«Произойти может что угодно, когда угодно и где угодно, кто-то может пораниться или вовсе развалиться».

Эти слова Инабы всплыли у Тайти в памяти.

На этот раз Тайти в самом деле почувствовал, что «обмены личностями» что-то такое с собой несут.

Кирияма что, с тех пор как вернулась домой, так и плакала все время? Может, разок сумела остановиться, но потом снова начала плакать? Или, может, теперь она плакала уже по какой-то другой причине?

Сейчас, став [Кириямой], Тайти хоть и лил слезы за нее, но причины этого не понимал. Их сердца не были связаны так, как связаны это тело и его содержимое.

Еще раз вытерев глаза, Тайти снова лег и стал думать, что делать. Флуоресцентная лампа слепила, и он загородился от света правой рукой. Эта рука, белая, но явно знакомая с боевыми искусствами, казалась слишком маленькой, чтобы защитить что бы то ни было.

Слезы, которые Кирияма проливали в одиночестве, ни в коем случае не должны видеть другие. А Тайти сейчас ощущал их с нулевого расстояния, это гораздо сильнее, чем подсматривать; правильно ли это?

С точки зрения здравого смысла – нет, неправильно. Впрочем, в норме такая ситуация и возникнуть никак не могла.

Но возникла.

Может быть, есть в этом и что-то хорошее?

К примеру, он может хотя бы взять на себя боль в груди, глазах, носу этого тела. Это, может, и мелочь по сравнению с той болью, которая у Кириямы в душе, но все равно должно быть чуточку полегче, чем нести это все в одиночку.

Или так думать неправильно?

Люди часто лишь горюют из-за неприятных ситуаций, которые сами же себе создали.

Они жалуются, что так произошло; они злятся, что так произошло; они уходят мыслями в воображаемые миры, где такое не произошло. И если они говорят, что исправить что-то невозможно, их прощают.

Однако это всего лишь форма бегства, опускание рук. Похоже, если они будут смотреть на реальность сквозь призму здравого смысла, это все равно ничего не изменит.

Но каковы бы ни были обстоятельства, путь к свету надежды есть, и этот путь – сражаться, не так ли? И это совсем не то же, что просто оптимистично смотреть на вещи.

Совсем не то же, что безответственно думать «все как-нибудь образуется».

Только стараясь изо всех сил, можно чего-то добиться.

Если он, Тайти, сейчас думает об этом, потому что понял всю отчаянность их ситуации, может, и Инаба его простит?

Внезапно раздался звук, как из музыкальной шкатулки, – это зазвонил мобильник.

Тайти [Кирияма] сел и принялся искать источник звука. Тонкий розовый мобильник, сообщающий о входящем вызове, лежал тут же, на кровати. Тайти [Кирияма] сразу схватил его и посмотрел, от кого звонок. От «Тайти Яэгаси».

Как только Тайти [Кирияма] ответил, в трубке раздался голос, слышать который он в последнее время уже более-менее привык, но который все равно вызывал некоторый дискомфорт.

– Эмм, это... Тайти?!

Голос [Тайти Яэгаси].

– А, ага.

– Ну, ты, наверное, уже понял, это Кирияма. Слушай, эммм, ты, может, подумал, что я там плакала, но это просто... В общем, не бери в голову. ...И вообще забудь.

Слова произнес голос [Тайти], но нес он в себе горячие мысли Кириямы.

Желать, чтобы Тайти, увидев то, чего не должен увидеть, забыл про это, вполне естественно. Если он отведет взгляд от увиденного, то, конечно, сможет притвориться, что забыл. Но спокойствие, которого можно таким способом достичь, будет фальшивым.

Впрочем, само стремление к такого рода спокойствию он ни в коем случае не собирался осуждать. Прямо сейчас достичь этой цели было вполне реально. В этом мире много того, что без лжи невозможно вытерпеть в одиночку.

Это он понимал.

Но...

– Забыть невозможно, – так он ответил. Если сначала не принять то, что есть, невозможно начать что-то новое.

Перед глазами Тайти отчетливо встала картина: у Кириямы [Тайти] по ту сторону телефона перехватило дыхание.

- Кирияма, разве не лучше было бы, если бы ты сама забыла про эти слезы? - продолжил Тайти. Потому что дальше ему нужно было подумать.

Какой-то конкретный план ему в голову пока не пришел, он всего лишь высказал свое желание, но отсюда уже можно было стартовать.

- ...Что?.. Что за глупости... ты говоришь... - мокрым голосом произнесла Кирияма [Тайти].

- Кирияма, давай сейчас встретимся?

По крайней мере сейчас одними словами он помочь Кирияме никак не сможет. Как только Тайти об этом подумал, он и сказал свое «хочу встретиться».

Тогда что-нибудь придумается.

Прогулка по темной дороге, конечно, не поможет прояснить все. По правде сказать, она даже может принести новые раны. Один неверный шаг, и не исключено вообще падение в пропасть.

Несмотря на это, идти вперед, веря в сияющий там свет, - ну не глупо ли?

Однако он действительно хочет «спасти» Кирияму.

На часах полдевятого вечера. Уже опускается ночь.

Кирияма сказала, что не хочет встречаться в людном месте, и поэтому они пришли в знакомый им обоим заброшенный парк, расположенный примерно посередине между их домами. Немного далековато, но для велосипеда нормально. Оба вышли из незнакомых домов, но местность в целом они более-менее знали, так что проблем не возникло.

Уличные фонари тускло освещали понатыканные то тут, то там скамейки, качели и песочницы. Парк был слишком маленький, чтобы дети могли играть здесь в бейсбол или салки, - он как будто просто заполнял пространство между жилыми кварталами.

На соседних улицах в это время суток людей и машин практически не было, несмотря на это, местная шпана тоже здесь не собиралась - парк словно был всеми забыт.

Сейчас в нем можно было увидеть две человеческих фигуры и два велосипеда.

Тайти Яэгаси и Юи Кирияма. Обменявшиеся личностями друг с другом.

Тайти беспокоился, что, может, Кирияма [Тайти] тоже плакала, однако она явно уже успокоилась. Поверх футболки на ней была тонкая синяя парка, на ногах треники, которые Тайти носил дома.

- Тайти, извини, твоя сестренка, думаю, решила, что я странно себя веду, - первым делом сказала Кирияма [Тайти].

- Мм, почему ты так думаешь?

Конечно, именно сегодня и в такое время - она не могла не испугаться. Она ведь только что плакала.

- Это было так внезапно... ну, то есть оно всегда внезапно, но на этот раз я просто запаниковала... Она сказала: «Братик, ты в последнее время иногда странный, у тебя все в порядке? Может стоит в больницу сходить?»

- ...Значит, это уже дошло до стадии, когда предлагают сходить в больницу...

У Тайти появилось плохое предчувствие. Что-то назревало.

- Ладно, это потом. А сейчас, Кирияма...

- Насчет сегодня, да? - перебила Кирияма [Тайти].

- Э... да, насчет сегодня.

- Прямо перед тем, как мы с тобой обменялись, мне Аоки позвонил. Сказал, что хочет встретиться и все рассказать подробно, но тут же завил, что хочет кое-что сказать прямо сейчас, и принялся извиняться. ...Просто извинялся и извинялся.

Похоже, Аоки начал действовать еще до того, как Тайти решил, что делать.

- Хотя виновата-то во всем я... Я заставила и Аоки, и Тайти за меня беспокоиться... Когда я так подумала, мне стало так грустно, так горько... И к тому же теперь мы все не сможем веселиться, как раньше... и от всех этих мыслей я расплакалась. Прости меня... за то, что я такая слабая.

При внешности явно [Тайти] от Кириямы исходило ощущение пустоты и грусти. Тайти подумалось, что у него самого такой ауры никогда не было.

- Давай пока без «прости меня». По-моему, Кирияма, тебе извиняться не за что. Но напоследок дай и мне сказать это разок. Прости меня.

По правде сказать, ему было много за что извиняться, но ему показалось, что перечислять это по одному не стоит.

Неясно, подумала ли так же Кирияма [Тайти], но она ответила «угу» и коротко кивнула.

- Эмм, в общем... Кирияма, у тебя андрофобия?

Будучи произнесенным, это слово оказалось куда тяжелее, чем он ожидал. Слишком тяжелым, чтобы нести его в одиночку.

- ...Угу. При обычных разговорах никаких проблем нет, но когда кто-то приближается больше, чем нужно, или прикасается... я очень резко реагирую. Меня прямо трясти начинает. Ха-ха-ха.

Смех Кириямы [Тайти] прозвучал бледно. Этим смехом она словно пыталась заглушить собственные чувства, убедить себя, что это так, ерунда.

- И сколько... нет, не так: была, наверно, причина или что, из-за чего это случилось? Если не против, может, расскажешь? - спросил Тайти [Кирияма], глядя Кирияме [Тайти] прямо в глаза. Как будто стараясь передать ей все свои мысли.

Кирияма [Тайти], чуть улыбнувшись, отвела взгляд и пробормотала:

- Я так и думала, что ты сразу в это полезешь, Тайти.

- Нельзя?

- Не то чтобы нельзя, но... как-то тревожно... - туманно произнесла Кирияма [Тайти] с неуверенным выражением лица. Смысла этого Тайти уловить не смог. - Но... ты же Тайти. Ладно, тебе могу рассказать. Кстати, ты в нашей школе второй человек после Инабы, кому я рассказываю.

Голос Кириямы [Тайти] звучал чуть поживее, чем до того, и она дурашливо поклонилась, точно изображая клоуна.

- Вообще-то, хоть я и растянула введение, история не такая уж кошмарная, ясно? И само то происшествие - ничего особенного, обычное дело, где угодно может случиться.

Так Кирияма [Тайти] начала свой рассказ.

- Когда я училась в средней школе, на меня напал мужчина. ...В общем-то, обычная история, ничего серьезного. Он напал, но ничего такого мне не сделал, потому что я сопротивлялась и в конце концов сбежала.

Кирияма [Тайти] говорила, не глядя Тайти в глаза.

- Главный шок был в том, что я ведь занималась каратэ, и у меня отлично получалось. Поэтому я была уверена в своих силах, я еще с начальной школы не проигрывала мальчишкам в драках, и я не сомневалась, что, если на меня нападут, я сама их отколочу. Но когда это на самом деле случилось, все вышло совсем не так. Лучшее, что я смогла, - это удрать. Ты в курсе? Взрослые мужчины очень сильные, девочки против них совершенно беспомощны. Так вот, и тогда я почувствовала, что против мужчины абсолютно ничего не могу.

Кирияма [Тайти] подняла взгляд к ночному небу. Тайти последовал ее примеру. В черноте плыл полумесяц. Действительно «полу» - ровно половина луны.

- До того случая я в турнирах несколько раз проигрывала ребятам старше меня, но никогда не думала: «Этого типа я и за целую жизнь не смогу победить». Но потом стала так думать про обычных мужчин, которые повсюду. И как раз в это время мальчишки начинают очень быстро расти и обгоняют девочек, это тоже как-то навалилось, и всякий раз, когда я вспоминала, что я девочка и поэтому не могу победить мальчика, мне становилось страшновато. Я думала, что мальчишки и девочки - вообще совершенно разные существа, и мне становилось страшно. И после того как я почувствовала эту разницу, я ее стала видеть здесь, там, повсюду - и всякий раз мне становилось страшно. ...Дура я на самом деле.

- И вовсе не дура, совершенно. В таких мыслях ничего особо странного нет.

Конечно, Тайти, будучи парнем, не собирался говорить абсурдные вещи типа того, что он понимает чувства Кириямы, но кое-как он сумел представить себе, что произошло.

- В общем, для меня парни как инопланетяне - да, что-то вроде этого; и когда они приближаются, меня чуть ли не тошнит. Ну, это уже довольно долго длится, я более-менее приспособилась, даже могу поддерживать веселый треп. Но все равно, когда кто-то притрагивается или чересчур сближается... если конкретнее, то «на расстоянии, при котором я не смогу справиться, если противник решит атаковать», возникает жуткое отторжение.

- То есть... Кирияма, значит, когда мы обычно с тобой общаемся, мы на такой дистанции, что ты с атакой справишься?

- Хотя бы уклонюсь.

Видимо, речь о нормальном расстоянии между людьми, когда они разговаривают.

- Как бы сказать... Не само по себе то нападение вызвало травму... Понимаешь, когда он схватил меня за руки и я поняла, что не могу ничего сделать, в меня намертво впечаталось вот это: «Если мужчина меня схватил, я проиграла»... Блин, даже я этого не понимаю, хоть сама и рассказываю.

Кирияма [Тайти] снова поклонилась, показывая, что история закончена, и на этом перестала изображать клоуна.

Рана Кириямы оказалась глубже, чем Тайти ожидал, да еще скрытая от глаз, впечатанная глубоко ей в душу.

Для Кириямы «мужчина», похоже, не то, от чего следует уклоняться, а то, что инстинктивно расценивается как угроза. Даже если умом она все понимает, тело ее реагирует само; если смотреть на проблему с точки зрения «как ее победить», хорошего решения как-то не находится.

...Победить. Мысли Тайти заработали в этом направлении сразу же. Это, видимо, и есть оптимизм, по словам Аоки и Инабы?

Так или иначе, на первом месте должны быть чувства самой Кириямы.

- Слушай, Кирияма. А ты что-нибудь хочешь сделать с этим? Ну... с андрофобией.

От того, что он спросит, ведь вряд ли что-то изменится? Но все равно он не мог не спросить.

- Об этом... я не хочу говорить.

Кирияма [Тайти] смотрела несколько озадаченно, наморщив брови и расслабив рот. Где-то Тайти уже видел такое выражение лица... ну да, возможно, у самой Кириямы, когда она была в своем [теле].

- Ну, может, скажешь хотя бы, на что надеешься?..

- Ну... - на этот раз ее лицо было совершенно озадаченным. Она замаялась.

- Ты хочешь стать сильной, - с нажимом произнес Тайти [Кирияма].

- ...Да, - коротко и отрывисто ответила Кирияма [Тайти]. После чего вздохнула. В этом вздохе смешались удивленное неверие и покорность, но не только: пожалуй, в нем еще была ласковость.

- Тайти, когда я при тебе такое говорю, это звучит совсем как «помоги мне».

Не из-за того ли, что эти слова произнесло «существо с его собственным телом» - практически его второе «я», - они впились в какой-то кусочек души Тайти, куда в норме едва ли могли впитаться?

...В его «самую суть»?

- Это... нельзя?

- Не то чтобы нельзя, но... просто неприятно, что я из-за своей слабости доставляю беспокойство другим. От этого мне грустно и просто плохо... - с очень смущенной улыбкой пробормотала Кирияма [Тайти].

Глядя на нее, Тайти подумал: какие все-таки неудобные существа люди.

Даже если они думают друг о друге, это не означает, что они в состоянии понять друг друга. Поэтому даже обычная доброта проходит мимо. Даже если один имеет исключительно добрые намерения, другой придает его словам и поступкам совершенно иной смысл - такое бывает сплошь и рядом.

И даже когда двое обмениваются личностями, даже когда они настолько близко друг от друга - это не меняется. Потому что люди не видят, что у других в сердце, и если свои мысли не высказать прямо, то их и не поймут.

Так скажи же.

Давай, скажи.

- Знаешь, Кирияма, если ты так и останешься со своей андрофобией... мне будет неприятно.

Тут, видимо, какие слова ни говори, все равно получится чересчур жестко.

Но если по-честному - так всегда бывает.

Поэтому он сказал.

Ласково наблюдать со стороны, повторяя «ничего страшного», - возможно, тоже способ постепенного решения проблем. Пусть несовершенно решения, но, по крайней мере, это может принести хотя бы внешнее спокойствие.

Способ Тайти – заявление, что ему «неприятно», – не оставлял места для бегства. Если решение не будет найдено, впереди ждет лишь поражение.

Как и ожидалось, Кирияма [Тайти] задрожала всем телом от переполняющего ее гнева.

- Ты... ты вот такое говоришь?! Можно подумать, будто я сама хочу, чтобы она оставалась!.. Я сама считаю, что это мерзость! Неприятно ему, понимаешь...

...Однако ведь если честно выскажешь свои намерения, собеседник тоже выскажет свои, не так ли?

- Именно поэтому разреши помочь тебе.

- Чт-...

- Кирияма, тебе ведь плохо. Ты сама это сказала только что.

К черту меры предосторожности, надо столкнуться с противником лицом к лицу.

То есть – не отрицать факты, а принимать их, сражаться с ними.

- Что... такое?... Правда... ну как же... всюду нос суешь... – дрожащим голосом лепетала остолбеневшая Кирияма [Тайти].

Тайти подумал: если с проблемой, которая до сих пор все это время оставалась неразрешенной, не сражаться, она так неразрешенной и останется. Идти этим путем очень рискованно, но он сам его выбрал. И это никто не изменит, это останется так и впредь.

Но в первую очередь у Тайти в голове сидела другая мысль.

Если из-за «такой ситуации» нечто произошло, то с помощью «такой ситуации» возможно и сделать с этим что-то.

- Кирияма, у тебя ведь все из-за того, что, когда парень тебя хватает со всей силы, ты ничего не можешь поделать, ну то есть ты боишься, что, когда тебя схватят, ты никак не сможешь победить, так?

- Ээ, мм, ну да.

- И ты, Кирияма, умом все понимаешь, но сделать правильно не можешь... То ли в твоём теле, то ли в подсознании у тебя засело мощное отторжение – так ты говорила?

Пока Тайти [Кирияма] спрашивал, он понемногу приближался к Кирияме [Тайти] - шаг, потом еще шаг...

- Ну да... Кстати, а почему ты подходишь?

- Стало быть, если в твое тело и подсознание вбить, что, когда мужчина тебя хватает, это ничего страшного, то андрофобию удастся победить, верно?

- ...Если совсем простыми словами говорить, то, наверное, да... Что-то ты как-то подозрительно смотришь.

Тайти [Кирияма] приблизился уже на такое расстояние, что, вслушавшись как следует, мог слышать ее дыхание.

Для первоклассника старшей школы рост у Тайти был чуть выше среднего, но глазами [Кириямы] его [собственное тело] виделось очень большим.

- Сейчас я тебя с помощью этого тела научу, что мужчине ты ни за что не проиграешь. Готова к шокотерапии?

- Ну точно, у тебя уже какое-то время опасное выражение лица... И когда ко мне придвигаюсь [я сама], это вдвое страшнее...

В полном соответствии со своими словами Кирияма [Тайти] сделала шаг назад. И лицо ее слегка дернулось.

- Слушай, Кирияма, предоставь все мне. Давай, попробуй схватить [мое тело].

- А-ага.

Кирияма [Тайти] опасливо взяла Тайти [Кирияму] за левое плечо.

Конечно, если строго воспринимать сказанное, то, как только он очутился в [теле Кириямы], прикосновение мужчины, то есть [Тайти], должно было вызвать дискомфорт... и не сказать чтоб он его совсем не чувствовал.

Поймав тревожный взгляд Кириямы [Тайти], Тайти [Кирияма] ухмыльнулся.

Сделал глубокий вдох, собрал волю в кулак.

Он собирался причинить боль собственному [телу], но это не имело значения.

Ну что, поехали?

И Тайти [Кирияма] – с силой засадил Кирияме [Тайти] коленом в «самое драгоценное место».

Колено ощутило, как что-то мягко продавилось.

- Уаай! – вскрикнул почему-то Тайти [Кирияма].

Удар вышел не в полную силу (представив себе, как будет больно, Тайти [Кирияма] просто не смог заставить себя сделать это), но все равно от такого пинка у него самого мурашки по коже побежали.

- А!..

С этим горловым... «голосом» это назвать было нельзя, просто «звуком»... Кирияма [Тайти] сложилась пополам, точно потеряв сознание, и рухнула на землю.

...Может, она умерла? – более-менее всерьез подумал Тайти [Кирияма].

Нет, все в порядке, она шевелится.

Кирияма [Тайти], издавая всяческие стоны типа «угуаа», «оаа», «аваа», «убоо», которых Тайти до этого самого момента никогда в жизни не слышал (и, вероятно, никогда не издавал), упиралась в землю лбом и коленями и скребла почву левой рукой. Правой рукой она прикрывала рот – видимо, ее тошнило.

Неожиданно лицо Тайти [Кириямы] скривилось. Самому Тайти оказалось очень трудно смотреть на такие мощные страдания его [собственного тела]. Но, естественно, его ощущения были намного, намного лучше, чем адская боль, которую испытывала сейчас Кирияма.

Движения Кириямы [Тайти] постепенно успокаивались. Сейчас она, по-прежнему скрючившись на земле, глубоко и часто дышала.

Увидев это, Тайти сел на корточки рядом с ней и сказал:

- Эй, Кирияма. Что будет, если ты так сделаешь?

Кирияма [Тайти] вяло подняла голову и уставилась на Тайти [Кирияму] как на врага. На лбу у нее выступил пот, из глаз текли слезы.

- Ты... ты... всегда... должен понимать... что делать можно... а что нельзя...

Если иметь в виду, что только что здесь раздавались стоны и крики, мысль была вполне разумная. Но...

- Ага... тогда обо мне не думай... беги... Я уже никак...

- В такое время нечего тут изображать героя боевика! Вставай давай!

Тайти нисколько не собирался изображать ничего подобного.

- Не, я правда не могу... Даже встать нет сил...

- Эй, вы там! - донеслось издалека. Женщина, похоже. Голос прозвучал довольно укоризненно.

- Паршиво! Давай же, вставай быстрее!

Пытаясь поднять Тайти на ноги, Кирияма потянула за рукав парки. Тайти, хоть и по-прежнему скрюченный, все же сумел встать.

- Аййй, дай чуток передохнуть...

- Заткнулся! Соберись и беги!

На этот раз Кирияма побежала, волоча Тайти за собой.

- Уааааа!..

Вот это силища. Ну да, чего еще ожидать от бывшей талантливой каратистки.

- Ррааааааа!

С этим возгласом или даже воинственным кличем, словно влившим дополнительную силу в мускулы рук и ног, Кирияма продолжила тянуть Тайти за собой. Их бегство длилось двадцать минут.

Присмотревшись, Тайти обнаружил, что они добрались до самой большой речки в городе.

- Ки-Кирияма!.. Уже... довольно... - выдавил Тайти, глотая воздух. Он был на пределе.

Усилиями Кириямы они удалились от парка на приличное расстояние, и любопытствующая

женщина за ними уже не гналась (впрочем, похоже, она не гналась с самого начала).

- Ээ, а, да.

Кирияма наконец остановилась и перевела дух. Ее скромная грудь поднималась и опускалась. Дыхание Кириямы было учащенным, но ритмичным - похоже, она могла бы и еще бежать.

Тайти продолжал глотать воздух, успокаивая сердце и посылая кислород в мозг. Он должен был кое-что сказать прямо сейчас.

- Кирияма... глянь на свою левую руку.

Вот что он сказал.

- А?

Взгляд Кириямы стал медленно двигаться, пока не достиг ее собственной левой ладони.

Эта ладонь крепко сжимала правую ладонь Тайти.

Пока они бежали, Кирияма, сама того не сознавая, переместила руку с рукава Тайти на его ладонь. Очевидно, когда бежишь, тянуть другого человека за рукав довольно неудобно.

- Э... да ладно?!

Кирияма мгновенно отдернула левую руку и прижала к груди, потом сделала пару шагов назад.

- Кирияма... все нормально... нормально же, да? - с улыбкой произнес Тайти.

- Это... потому что было критическое положение... Д-да, Та-Тайти... вот поэтому... да.

Отведя глаза и залившись краской, Кирияма принялась поглаживать левую руку правой.

- Но, по крайней мере... твоя андрофобия... вовсе не абсолютно непошибаемая... Это точно.

Ну, Тайти с самого начала был уверен, что если только ты готов проявить героизм, то так или иначе можно добиться всего, чего угодно.

Кстати, разве Кирияма не пыталась драться с Халикакабом, вселившимся в мужчину по имени Рюдзен Гото?

Не исключено, конечно, что именно в чрезвычайных ситуациях ограничитель в Кирияме может отключаться, но, так или иначе, тот случай показал, что такое вполне возможно.

Дыхание Тайти наконец-то успокоилось.

- И между прочим... удар в волшебное место чертовски силен, ты согласна?

Лицо Кириямы вмиг запунцовело до самых ушей.

- Кстати! Кстати! Что это на тебя нашло! Знаешь ли, этого и другими способами можно было добиться! И уж если решил сделать вот так, мог бы мне заранее хоть слово сказать, а?!

- Разве я не сказал? Шокотерапия. И скажи честно, она ведь сработала?

- По-че-му я, девочка, по твоей милости должна была испытать мужскую боль, от которой у меня останется моральная травма на всю жизнь?! Ууу... даже когда я вернулась в [свое тело], все равно осталось ощущение, будто «оно там»... О неееет! Что за гадости я сама говорю! Блин! Хочу умереть!

Похоже, она наслаждалась ситуацией.

- Ну, успокойся уже, Кирияма.

- Та-Тайти, это из-за тебя так все вышло! - не своим голосом жаловалась Кирияма. Покрасневшая от смущения, с влажными глазами, она была такой миленькой, что пробуждала желание погладить ее по головке. На миг Тайти захотелось облечь это чувство в слова, но он понял, что в ответ на него наорут, и разумно сдержался.

Кирияма сделала еще несколько вдохов-выдохов, поднимая и опуская плечи, потом снова заговорила:

- Но это правда было... ну... просто жутко больно... Это... у всех мужчин так?

- Да, можешь не переживать, я в этом смысле совершенно не особенный.

- ...Хм, вот как. Ну... когда такое сделаешь, человек точно уже ничего не сможет поделаться, да... Я это знала, конечно, но что будет настолько больно... Да... Если разок стукнуть, действительно можно победить...

С этими словами Кирияма зачем-то начала принимать позы для ударов коленом и кулаком.

- ...Если только тебя не взяли в нельсон и не повалили на землю... вообще почти из любой позы можно сделать... Да, когда хватают за руки, никаких проблем...

Очевидно, теперь любые ее приемы будут нацелены на «мужскую уязвимость».

- Неужели я... создал страшное оружие против мужчин всего мира?..

Кирияма быстро опустила руки и вышла из боевой стойки. В позе ее чувствовалась некоторая удовлетворенность...

- Еще дома потренируюсь.

...но главным образом - энтузиазм. Это пугало.

- Однако это насколько больно, настолько же и опасно... Слушай... Тайти, почему ты ради меня на такое пошел?.. С [собственным телом] так жестоко обошелся...

Осенний ветерок играл с длинными каштановыми волосами Кириямы. Девушка, откидывая со лба мешающие пряди, ожидала ответа, и ее меланхоличное выражение лица таило в себе уйму значений, только Тайти не мог понять, каких именно.

Но сколько бы его ни спрашивали, сколько бы ни предлагали подумать, в сердце его все равно оставался бы лишь один простой ответ.

- А что, нельзя?

Глядя на серьезное лицо Тайти, Кирияма не удержалась от улыбки.

- ...Тайти есть Тайти.

С этими словами Кирияма сделала шаг к нему, потом еще шаг.

И, выставив перед лицом правый кулак, подула на него.

С мягким звуком кулак прикоснулся к груди Тайти.

...Этот кулак слегка дрожал.

Однако Кирияма с сияющей улыбкой, которая вполне могла бы кого-нибудь спасти, произнесла:

- Спасибо, Тайти.

«Иди вперед, Кирияма», - мысленно пожелал ей Тайти.

<http://tl.rulate.ru/book/51682/1300818>